

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 734-744
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.734

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Religious Sectarianism at the turn of the XIX–XX centuries: the Historical Form of Religious Extremism (on the Example of the Yenisei Province)

Tatiana V. Izluchenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Evgeniy A. Akhtamov ^a, Andrei A. Gruzdev ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of religious extremism constantly attracts the attention of various researchers. Religion has an important role in maintaining social stability and legitimizing State power. The separation of religious organizations in the Russian Empire was carried out according to the principle of their relationship to the state power and the Russian Orthodox Church. Actions that could provoke the destabilization of the current socio-religious situation were also noted. The object of study of this article is Russian religious sectarianism. It is considered by the authors as a historical form of religious extremism containing deviant and delinquent components. The legal and religious characteristics, the author's classification of religious sectarian organizations operating at the turn of the century on the territory of the Yenisei province, in accordance with the criteria of religious extremism are given: interreligious hatred and enmity, radical change in the existing socio-political structure on a religious basis, a statement of exclusivity, the use of violence against opponents. The content of the concepts of “sectarianism” and “schism” used by the political institutions of the Yenisei province in relation to Old Believers, international movements, ancestral faith and philosophical and theological movements is differentiated. The authors note that the concept of «sectarianism» was mainly used in relation to religious organizations that separated from Orthodox Christianity, offering their own interpretation of the doctrine and opposing the performance of state duties. A pronounced negative attitude towards them was observed precisely from the state, which perceived this behavior as an encroachment on the authority of the authorities, with a rather restrained position of the Russian Orthodox Church.

Keywords: sectarianism, Russian Orthodoxy, Christianity, religious extremism, Old Believers, Yenisei province, deviance, delinquency.

1. Введение

Исследования религиозного экстремизма актуализировались с ростом случаев межнациональной вражды с религиозной коннотацией и распространением идей радикального изменения социально-политического устройства на религиозных принципах. Экстремизм (в пер. с лат. крайний) – приверженность к крайним взглядам и совершение радикальных действий без учета альтернативных вариантов. В истории любого государства фиксировались межрелигиозные и религиозно-государственные конфликты, религиозно мотивированные девиантные и/или делинквентные действия, что позволяет утверждать существование религиозного экстремизма как исторического феномена. Однако понятия «экстремизм», «религиозный экстремизм» были введены в законодательство в последние несколько десятилетий (Россия – 2002 г., Казахстан – 2005 г., Таджикистан – 2003 г., Италия – 1975 г.), а в проводимых научных исследованиях религиозный экстремизм рассматривался как социальное, политическое и психологическое явление.

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), andygruzdev@yandex.ru (A.A. Gruzdev)

Указанное положение привело к игнорированию данной проблемы в исторической ретроспективе, отсутствию историко-религиоведческих исследований, способствующих раскрытию столь неоднозначной сущности религиозного экстремизма и, как следствие, оптимизации мер противодействия. Наиболее целесообразным в установлении и характеристике проявлений религиозного экстремизма как исторического феномена является выбор исторического периода, в котором отмечается наличие сложившейся системы религиозно-государственных отношений, нашедшее отражение в документальных источниках. Ярким примером является Российская империя на рубеже XIX–XX веков, в частности Енисейская губерния. Она, будучи крупным, экономически развитым регионом, обладала исторически сложившимся поликонфессиональным населением (местные, ссыльные, вольнопоселенцы) и демонстрировала специфику регулирования межрелигиозных отношений, реализации принципов государственно-конфессиональной политики.

2. Материалы и методы

Данное исследование проведено на основе комплексного анализа разнообразных источников: отчетов, делопроизводственных материалов, материалов периодической печати. Источниковой базой стали архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). Нами изучены сведения, содержащиеся в материалах Енисейской духовной консистории Енисейской епархии, Енисейского губернского епархиального комитета православного миссионерского общества, Енисейского городского благочиния Енисейской губернии, Енисейского губернского статистического комитета, волостных правлений Енисейской губернии (Маклаковского, Зелеевского, Сухобузимского), Енисейского губернского управления МВД, а также в библиографической базе данных и статьях периодической печати, опубликованных в «Томских епархиальных ведомостях» и «Енисейских епархиальных ведомостях». Сведения о правовой основе работы Духовных цензорных комиссий были взяты из Устава о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), данные по численности верующих на территории Енисейской губернии – Списков населенных мест Российской империи, составленных и изданных Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи.

В ходе проведения исследования авторы использовали как общенаучные, так и специальные методы исторической науки. Так, принципы историзма и объективности позволили полнее воссоздать положение верующих, принадлежащих к различным религиозным организациям, а при анализе исторической литературы – учесть влияние общественно-политической ситуации на работы историков. Сравнительно-исторический метод использовался при изучении положения последователей разных религиозных организаций, что позволило рассмотреть отличия в социально-политических и повседневных условиях, выявить девиантные и делинквентные проявления религиозных взглядов.

3. Обсуждение

Проявления религиозного экстремизма фиксируются внутри одной религиозной организации, что связано со столкновением традиций и инноваций, и между различными религиозными организациями, где большую роль играет прозелитская, миссионерская, деятельность, а также в политической сфере на всех исторических этапах развития общества. Преимущественно они сводятся к разжиганию религиозной ненависти и вражды (Ахромеева, 2014), а также к антигосударственной деятельности. Отмечается взаимосвязь религиозного экстремизма с фундаментализмом и радикализмом (Рязанов, 2014; Ефремова, Ковалева, 2020). Многими исследователями акцентируется взаимосвязь религии и насилия. Религия предоставляет систему ориентации, в которой насилие позиционируется ритуальным действием, актуализируются апокалипсические и эсхатологические мотивы, радикализуется идея космической борьбы добра со злом (Юргенсмейер, 2022). А.В. Данилов охарактеризовал связь религии, экстремизма и насилия (Данилов, 2018).

Важным моментом при исследовании исторических форм религиозного экстремизма, а также сопоставлении содержания используемого в настоящее время понятия «религиозный экстремизм» и понятий, имеющих место в исторических документах и относящихся к схожим социально-политическим явлениям («сектантство»), является квалификация тех или иных религиозных организаций и религиозных проявлений в качестве «экстремистских». В Российской империи на рубеже XIX–XX веков под сектантством понимались религиозные группы, исторически отклонившиеся от традиционного христианского вероучения или использующие его положения в собственной интерпретации.

Понятие «сектантство» используется многими исследователями для обозначения неправославных религиозных организаций данного периода. Т.С. Оленич классифицирует секты на рационалистические (протестантские) и мистические (преимущественно православные) при наличии промежуточных форм (штундо-молоканство, штундо-баптизм, молоканство-баптизм). Ею в качестве причины роста сектантских практик отмечается стремление русского человека к совершенству посредством «диких скаканий взамен общепринятых молитв, в отказе от чая или картофеля, в лишении себя тихих семейных радостей, замененных групповыми оргиями» (Оленич, 2005: 18).

И.К. Смолич указывает предпосылкой возникновения сектантства особенность психологии русского народа, выражающуюся в мятежности и беспокойстве, раскованности религиозного мышления, эсхатологизме, бескомпромиссном искании абсолютной истины и наиболее ярко проявляющуюся в периоды застоя религиозной жизни. Им подчеркивалось, что история русского сектантства дает много примеров извращенного христианского аскетизма (Смолич, 1997).

Сектантские религиозные организации на рубеже XIX–XX веков стали не только социально-политическими акторами отношений, но и крупными экономическими субъектами (торгово-промышленный сектор и ссудное приложение капитала). М. Вебером характеризовалось развитие капитализма в контексте протестантского учения и подчеркивалось наличие свободы выбора секты как волонтаристского объединения людей, прошедших религиозную аттестацию, обладающих соответствующими моральными качествами, в сравнении с церковью как институтом благодати, данным от рождения (Вебер, 1990: 108). Характеристика взаимообусловленности капиталистических тенденций и роста сектантов, разделение по экономическому показателю на крестьянские и мелкобуржуазные секты осуществлялись Н. М. Никольским. (Никольский, 1996: 628).

Систематизацию религиозных организаций, действующих на территории империи на начало XX века, по отдалению от догматов христианства с позиции Русской православной церкви провел Т. И. Буткевич. Он выделил мистический (хлыстовство, монтанство, скопчество), рационалистический (духоборчество, молоканство, иудействующие, адвентизм, толстовство) и смешанный (мормоны, еноховцы) типы. Значимым моментом в его работе стало разграничение понятий: «ересь» как осужденное церковью лжеучение, искажающее христианские догматы (арианство, несторианство); «раскол» – осужденное церковью самочинное отделение не по догматам, а по каким-либо внешним побуждениям, извращающее церковные обряды и отрицающее церковные дисциплины (стригольничество, старообрядчество), а также «секты» – отделившиеся от союза с церковью общины, искажающие вероучение, но учения которых еще не осуждены церковью. Отрицательными чертами сектантства обозначались «нападки на учение и обряды церкви; отрицание Святого Предания; церкви как божественного учреждения, священной иерархии, таинств, внешнего почитания, почитания Богоматери, ангелов и святых угодников Божьих, почитания святых мощей, молитв за умерших, значение добрых дел и христианских подвигов, постов, почитание честного креста, икон и т.д.» (Буткевич, 1910: 4).

Исследователи дореволюционного периода при описании сектантских учений выделяли два момента в их деятельности. Первый – отказ от православного обряда и таинств, включая брак, что отражало девиантность поведения последователей среди преобладающего православного населения. Второй – негативная позиция по отношению к действующей политической власти, проявляющаяся в отказе от исполнения обязанностей перед государством (воинская повинность, получение паспортов, налогообложение) и в отрицании авторитета иерархии Русской православной церкви. Это отражало делинквентное поведение, усугубляющееся анархическими и социалистическими убеждениями. Так, об учении духоборцев говорилось, что они «внесли ряд новых социально-политических вопросов, ответы на которые даны в духе чистой анархии... Отличительным свойством этого учения служит отрицание авторитета Православной Церкви и православной иерархии» (Булгаков, 1913: 1615-1618).

Политический критерий для классификации сект в империи применялся со стороны государства. Чиновник Комиссии по делам раскольников, скопцов и других сект при МВД И. Липради, характеризуя секты по цели деятельности, выделил: а) религиозные – достижения блаженства после смерти, не несущие угрозу государству; б) политические – реализация своего проекта переустройства общества и государства, связанные в конфедеративно-религиозную республику (скопцы, хлысты, славянофилы) и требующие применения активных мер со стороны органов правопорядка (Эткинд, 2013: 121-132). А. И. Клибанов продолжает характеристику политического сектантства и обозначает русские религиозные секты дореволюционного периода как социальный протест, направленный на создание иного экономического типа и обусловленный революционно-реформаторскими тенденциями в обществе. Применительно к молоканам он писал: «Это были организации религиозно окрашенного мелкобуржуазного утопического социализма» (Клибанов, 1973: 66-67).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы возникновения и развития «нетрадиционных» религиозных убеждений, сектантских организаций на рубеже XIX–XX веков, провоцирующих проявления девиантности и делинквентности, в исторической ретроспективе являются привлекательными для проведения научных исследований. Отметим, что под категорию «сектантство» попадали как общины, отделившиеся от уже существующих религиозных организаций, так и религиозно-философские учения, популярные среди широких слоев населения, включая священнослужителей Русской православной церкви.

4. Результаты

На территории Российской империи рубежа XIX–XX веков действовали правовые нормы, регламентирующие религиозную деятельность, отношения между религиозными организациями,

религиозными организациями и государством, в частности местными администрациями. Согласно Своду законов империи религиозные организации разделялись в соответствии с правами, привилегиями и обязанностями на четыре группы, деятельность которых регулировалось разными органами власти. Первая – Русская православная церковь, провозглашенная «первенствующей и господствующей», управлялась Святейшим синодом. Вторая – католики, протестанты, иудеи, мусульмане, буддисты, армяно-католики, армяно-григориане, язычники, признаваемые и терпимые государством, обладали правами юридического лица в соответствии со спецификой и историей деятельности. Так, только после разрешения правительства католикам разрешалось исполнять папские распоряжения. Третья – старообрядцы, терпимые, но официально не признанные государством. Последователи имели ряд ограничений на совершение публичных ритуальных действий. Четвертая – скопцы, штундисты и др., не признаваемые и не терпимые государством, их деятельность преследовалась по закону.

Несмотря на видимость демаркации религиозных организаций по принципу отношения к Русской православной церкви, данным разделением государство дифференцировало их по благонадежности в поддержании стабильности социально-политического положения империи, где Русская православная церковь представлялась как часть административного аппарата. Однако только в 1916 г. светская власть взяла на себя ответственность за предотвращение вредных для государственного порядка и общественного спокойствия сектантских проявлений, подчеркивая осуществляемую сектантами антигосударственную деятельность. Деятельность всех незарегистрированных сектантских организаций прекращалась, строгий контроль устанавливался и за зарегистрированными (Батулин, Батурина, 2015: 12). Преимущественно под действия данных мер попадали религиозные организации, имеющие международное сотрудничество и активизировавшиеся в начале XX века в результате переселенческого движения на территории сибирских губерний.

Система государственно-религиозных отношений в Российской империи на рубеже XIX–XX веков была сформирована на основе принятого Свода законов и накопленного опыта отношений с включенными территориями, населенными последователями неправославных вероисповеданий (Северный Кавказ, Средняя Азия). Проводимая религиозная политика направлялась на решение сугубо политических задач.

Во-первых, обеспечение идеологического единообразия, заключавшегося в разделении всеми жителями вне зависимости от вероисповедания общих ценностей, направленных на утверждение исключительной роли самодержавия, царской власти как хранителя государствообразующей веры. Представители духовенства подвергались полицейской проверке на лояльность к действующей политической власти. Отношение к исполнению религиозных обязанностей в Российской империи конца XIX века сущностно близко к ситуации в Римской империи начала первого тысячелетия – участие в ритуальных практиках государственной религии и разрешенных культах приравнивалось к демонстрации лояльности и поддержки власти.

Государство проводило охранительную политику в отношении всех христианских церквей, но отдавало главную роль в идеологическом плане Русской православной церкви, позиционировало себя ее защитником и одновременно с этим использовало ее в своих политических целях, например для организации цензуры религиозных материалов и ограничения изданий, способных спровоцировать антиправительственные настроения. Согласно Уставу о цензуре и печати (том 14 Свода законов) п. 31 главы первой «Книги собственно духовного содержания, то есть заключающие в себе положения догматов веры, толкования Священного Писания, проповеди и т. п. на Славянском и Русском языках, рассматриваются и одобряются духовною цензурою, состоящей в ведении Святейшего Синода» (Устав о цензуре и печати, 1905: 10). Духовно цензурные комитеты рассматривали все духовные сочинения и переводы в соответствии с п. 227 главы четвертой Устава, а в п. 262 отмечалось, что «особливо же не одобряются сочинения и переводы, в которых находятся места, противные христианской нравственности, правительству и религии» (Устав о цензуре и печати, 1905: 48-49).

Во-вторых, осуществление государственного контроля над деятельностью всех религиозных организаций, включая финансовое регулирование; регламентирование не только прав и привилегий, но и обязанностей, как правило, относящихся к светской области (регистрация, выписки, метрики). Наличие обер-прокурора Святейшего синода при отсутствии у «первенствующей и господствующей» патриарха ставило под контроль и Русскую православную церковь. Содержание духовенства некоторых религиозных организаций частично покрывалось государством. Например, возмещалась часть затрат на имамов и кади, православные приходы Енисейской епархии получали хлебную ругу в размере 240 пудов на содержание священника (Дворецкая, 2015: 16). В 1897 г. вышел закон, по которому сельские церковно-приходские школы и школы грамоты получали право на надел от казны в размере до трех десятин.

В-третьих, решение национального вопроса, который регулировался принципами религиозной политики, так как национальная принадлежность за редким исключением совпадала с религиозной. Разрешение на миссионерскую деятельность только для православной церкви поддерживало

политическое господство «великорусской народности» (Кулиев, 2015: 21). Успехи миссионеров в Енисейской губернии фиксировались в ведомостях о переводе в православные церкви (ГАКК. Ф. 674. Оп. 6. Д. 16) и оглашались публично посредством печатного издания «Енисейский епархиальный вестник», где указывались происхождение, полное имя, возраст, наименование секты, к которой ранее принадлежал человек, и полученное имя при крещении.

В-четвертых, ограничение деятельности и влияния международных религиозных организаций и иных проиностранных движений, способных дестабилизировать внутривнутриполитическое положение империи, используя религиозный фактор. Так, в условиях геополитического противостояния с Англией и Османской империей в Средней Азии предпринимаемые меры к мусульманам этого региона являлись оправданными, хотя и не везде эффективными, и нередко провоцировали радикализацию ислама и восстания. В Енисейской губернии баптистов подозревали в стремлении создать всемирно-народное-баптистское правление под руководством Англии и Германии (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80. Л. 4-6).

Для обеспечения социально-политической стабильности и поддержания авторитета государственной власти, который был тесно связан с Русской православной церковью, актуализировалась работа по выявлению и пресечению деятельности неблагонадежных лиц: а) отклоняющихся от исполнения традиционных религиозных предписаний; б) стремящихся перейти в другую веру (за исключением православной); в) становящихся последователями сектантских религиозных организаций (скопцы, молокане, хлысты, духоборы, толстовцы).

С одной стороны, государство использует силовые ресурсы для выявления и пресечения противозаконной деятельности среди широких масс населения. В 1857 г. Балахтинское волостное правление и земское заседание выпустили решение об организации наблюдения в целях нераспространения скопческой секты. Указывалось, что при малейшем подозрении необходимо было сообщать в губернское правление (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 429. Л. 3). Переходы из православной веры в сектантство и отказы от участия в православных таинствах фиксировались (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 761). Такие случаи тщательно проверялись местными властями, разбирались в судебном порядке, а иногда и перепроверялись по заявлению обвиняемой стороны (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 682). Однако основной мерой противодействия являлось увещание со стороны православного духовенства, которое только после неудачи обращалось за содействием к гражданской стороне. После проверки благочинным донесения относительно неоднократного вовлечения православных в молоканство мельником Х. Хмыровым епископ Енисейский и Красноярский обратился за помощью «в деле борьбы с сектантством». Енисейским губернским прокурором было выдано соответствующее предписание судебному следователю по Красноярскому округу (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 149). Также согласно указу от 1722 г. православные священнослужители обязаны были сообщать ценные сведения, полученные в результате исполнения своих профессиональных обязанностей. Особое внимание уделялось отношению к государственной власти «если человек во время исповеди объявит “некое несовершенное, ... наипаче же измену и бунт на государя” и при этом “покажет себя, что не раскаивается, но ставит себе в истину и намерение свое не отлагает”, то священник не разрешает ему грехи и обязан донести о нем “кому надлежит” (Безянидзе, 2020: 101).

С другой стороны, Русская православная церковь осуществляла контроль как за мирянами, так и священниками. Одной из задач духовной консистории Енисейской епархии являлось отслеживание уклонения прихожан от христианских обязанностей, а благочинные проверяли исполнение священниками своих обязанностей на местах.

Просветительская и образовательная работа проводилась посредством ресурсов системы образования: преподавание предмета «Закон Божий», организация церковно-приходских школ, включая территории, не имеющие государственных школ. Из отчета о состоянии Красноярского епархиального женского училища 1896–1897 гг. следует, что основным направлением воспитания являлось «точное исполнение религиозных обязанностей православного христианина, ... образование в воспитанницах христианского характера, правдивости, честности и любви к труду» (Отчет..., 1898: 1-2). Просветительские беседы с прихожанами были ориентированы не только на поднятие и поддержание духовно-нравственного состояния, но и пропаганду действующей государственной власти. Подчеркивалась их значимость для поддержания социально-политической стабильности «как бы не была слабо развита церковно-приходская жизнь... здесь мы научаемся чтить царя, молиться за него, повиноваться ему и поставленным от него властям» (Слово..., 1898: 35). Енисейская епархия советовала священнослужителям проводить такого рода занятия – религиозно-нравственные чтения – в воскресные и праздничные дни с 13 до 14 часов, чтобы отвлечь прихожан от разгула и праздничного препровождения, а также фиксировать их проведение в журналах. Однако эффективность данных мероприятий была низкой. Прихожане не стремились посещать просветительские беседы и церковные службы за исключением праздников, а также отдавать детей в церковно-приходские школы. Так, например, за 1863–1911 гг. в Параскевской церковно-приходской школе Красноярского уезда обучалось не более 30 детей одновременно (Шушканова, 2018: 63).

Миссионерская деятельность, являвшаяся прерогативой Русской православной церкви, зачастую сталкивалась с сопротивлением местных, коренных жителей. Иностранческое население

Аскизской Петропавловской церкви Енисейской епархии продолжало соблюдать языческие обычаи предков, включая отношение к браку: «прихожане поголовно держатся обычаев предков... приходится многократно увещивать исполнять христианские обязанности, а брак освящать молитвами Святой церкви, но они крепко стоят на своих обычаях и потому все пастырские увещивания остаются без внимания» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 78. Л. 5). Также проблему представляла нехватка подготовленных кадров. Православные священники нередко проводили апологетические и полемические дискуссии с представителями местных религиозных организаций, осуществляли противосектантскую деятельность. Так, протоиерей Енисейской епархии В. И. Кузьмин, систематически полемизируя с представителями баптизма, предлагал увеличить подготовку миссионеров, обладающих не только духовными знаниями, но и владеющих инородческими языками (Ламанская, 2003: 44).

Примечательным фактом является то, что борьба с сектантством отождествлялась со злоупотреблением алкоголем. В отчете о деятельности за 1916 г. Иннокентьевского епархиального братства трезвости (Томская епархия) говорилось, что «сознавая, что между усилением сектантства на Руси и народным пьянством имеется глубокая, самая тесная связь ... Нельзя вести борьбу с расколом и, особенно с сектантством, закрывая при этом глаза на темные стороны жизни народной, среди которых выделяется пьянство» (Попов, 1917: 247). В Енисейской губернии в начале XX века действовало несколько филиалов «Православного противосектантского братства молитвы и трезвости во имя Святых Апостолов Петра и Павла» (Красноярск, Минусинск). Позиционировалось, что пьянство провоцирует уклонение от православной веры, отечества и присуще людям, которые являются врагами самим себе (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 991. Л. 1).

На территории Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков сложилось полирелигиозное население, состоящее из православных, старообрядцев, лютеран, католиков, иудеев, мусульман, язычников, буддистов и представителей многочисленных местных верований и культов, сочетавших веру предков с христианским вероучением. Большинство жителей являлись православными (94,16 %), а также римо-католиками (0,51 %), протестантами (0,35 %), иудеями (0,49), мусульманами (0,34 %) и старообрядцами (2 %). Особо в документах отмечались духоборцы, молокане и субботники (0,58 %). Определение численности последователей языческих культов и шаманизма представляло трудности, вызванные с их идентификацией, соблюдением прежних обрядов при наличии христианского крещения (около 3,41 %) (Списки населенных мест..., 1864: 34-35). Представители разных религий зачастую проживали совместно как в городах, так и в сельской местности с православными, но встречались целые населенные пункты, жители которых были духоборцами (д. Иудинская Минусинского уезда), старообрядцами (д. Павловская Назаровской волости).

Относительно деятельности старообрядцев (раскольников) и сектантов светскими и церковными властями регулярно составлялись специальные ведомости, позволяющие отслеживать динамику распространения и предпринимать меры противодействия волостными правлениями, духовной консисторией (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 429).

а) Енисейская епархия разделяла проживающих на территориях православных приходов раскольников и сектантов от рождения и лиц, уклонившихся от православного вероисповедания в раскол или секту. Священнослужители предоставляли сведения о каждом человеке: фамилия, имя, отчество, возраст, пол, наименование согласия или секты (ГАКК. Ф. 815. Оп. 1. Д. 11). Енисейская духовная консистория предоставила священнослужителям «Программу для собирания сведений о расколо-сектантстве», в которой были пункты отношения раскольников и сектантов к своим единоверцам, последователям других толков и согласий, православному населению, школам и гражданскому начальству, а также православных к расколо-сектантам. Отдельно подчеркивалась необходимость фиксации наличия/отсутствия связей с иностранными расколо-сектантами и случаев чтения зарубежной литературы (ГАКК. Ф. 201. Оп. 1. Д. 37. Л. 14-15).

б) Полицейские управления Енисейской губернии ежегодно составляли пофамильные списки скопцов, духоборцев и старообрядцев, находящихся на поселении с указанием возраста и состава семьи, наличия/отсутствия судебного решения (ГАКК. Ф. 400. Оп. 1. Д. 23), а также о наличии раскольничьих молелен, данных по их открытию и выявлению новых случаев ухода в секты (ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11077. Л. 1). Волостные правления, помимо общих сведений, указывали год поступления, приметы, происхождение, судебное решение и меру наказания (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 312. Л. 1-2). В сведениях по Зелдеевской волости Енисейской губернии среди раскольников разных сект отдельно были выделены беспоповские секты, «не принимающие браков и не совершающие молитвы за царя» (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2536. Л. 30).

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры церковной и светской властью, определить хотя бы приблизительную численность сектантства как на территории империи, так и в отдельных губерниях не представлялось возможным по причинам их неоднородности, наличия большого количества согласий, направлений и закрытости деятельности, а также умышленного предоставления неверных сведений на местах. Если же по старообрядцам, скопцам, духоборцам статистика была крайне неточной, так как основывалась на поверхностных оценках и приблизительных подсчетах, то по иным сектантским организациям не было практически никаких достоверных данных. Они

действовали законспирированно, использовали недемонстративные методы вовлечения и избегали государственного надзора. Зачастую маскировались под православных: не покидали приходов (хлысты), посещали службы и отказывались признавать себя раскольниками или сектантами (ГАКК. Ф. 815. Оп. 1. Д. 13. Л. 8).

На основании вышеизложенного можно выделить следующие группы религиозных организаций, провозглашаемых в Российской империи на рубеже XIX–XX веков сектантскими. Все они обладали своей спецификой взаимодействия с государством и апробированными методами деятельности. Присутствие в той или иной степени апокалипсических и эсхатологических мотивов в их учениях стимулировало развитие идей радикального изменения сложившегося социально-политического устройства. Низкая эффективность миссионерской деятельности и предпринимаемых мер противодействия распространению сектантских учений Русской православной церковью как духовного монополиста позволяла данным организациям развиваться, чему также способствовало исторически сложившееся отсутствие конкуренции со стороны других религий.

Первая – русские секты и раскольники. Их история была неразрывно связана с историей российского общества и государства. Они выступали оппозицией государственной власти и главенству Русской православной церкви. Специфика их радикального и синкретического вероучения заключалась в синтезе религиозных и политических идей: построение Царства Божьего, сопровождаемое изменениями политического положения; вера в мессию в лице «добротного правителя»; уклонение от государственных обязанностей. Политическая составляющая являлась дополнением к религиозным положениям, частной интерпретацией конкретных религиозных норм. К данной группе относятся старообрядческие общины различного толка, а также хлысты.

Вторая – организации, возникшие в результате миссионерской деятельности иностранных религиозных организаций, поддерживающие международные связи и/или сблизившиеся с протестантским вероучением. Их участники противопоставляли себя государству, что выражалось в отказе исполнять обязанности перед ним. Религиозная составляющая дополнялась политическими мотивами. Духовные христиане (духоборы, молокане) отказывались от внешнего поклонения Богу, исполнения многих обязанностей перед государством (воинская повинность, хлебные сборы), признавали аллегорическое толкование Священного Писания и таинств, ожидали скорого наступления тысячелетнего Царства Христа (ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 62). Государство усилило в 1916 г. надзор за евангельскими христианами. В распоряжении МВД по Енисейскому губернскому управлению в качестве формальной причины указывались пацифистские настроения, но реальная – заключалась в подозрениях в антиправительственной деятельности: сборе средств для иностранных государств (США), моральном разложении армии, шпионаже (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 13).

Третья – движения сторонников богоискательства, набравшие популярность на рубеже XIX–XX веков, предлагавшие новую интерпретацию христианского вероучения. Иоанниты в своих проповедях делали акцент на Иоанне Кронштадтском как воплощении Бога и на Страшном суде, который прогнозировали на 1909 г. на Масленицу. Причастие осуществляли яблоком и виноградным вином, изображение Иоанна Кронштадтского заменяло иконы. Некоторые жители Ачинского уезда Енисейской губернии продавали свое имущество и отправлялись в Кронштадт, т. к. считали, что только Иоанн Кронштадтский мог их спасти, отказываясь от увещаний в ошибочности своих убеждений (Рождественский, 1909: 16–20).

Данные движения характеризовались философско-богословскими рассуждениями (толстовство) и определенной эклектичностью (русские католики), которая включала, помимо религиозных, анархические и социалистические идеи. Религиозная составляющая выступала источником духовных исканий, философских дискуссий об обществе и государстве. Наличие на территории Енисейской губернии политических ссыльных, «смутьянов», ссыльно-поселенцев, которые составляют почти 1/3 всего населения» (Малашин, 2011: 69), провоцировало антиправительственную деятельность, нередко сопровождающуюся антицерковной и атеистической пропагандой. Однако отчеты по образу жизни ссыльных не требовали сведений об их религиозных убеждениях (ГАКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 45. Л. 11–12), что осложняет прослеживание взаимосвязи.

Несмотря на то, что понятие религиозного экстремизма в системе государственно-религиозных отношений Российской империи на рубеже XIX–XX веков отсутствовало, религиозная вражда и ненависть, идеи крайней исключительности и превосходства в вопросах веры, угрозы и насилия в адрес представителей иных религий, проекты радикального изменения существующего политического устройства на религиозной основе имели место. При этом многие из указанных признаков были характерны для сектантских организаций в адрес Русской православной церкви. В сведениях о противосектантских миссиях в Енисейской епархии отмечено, что штундо-баптисты, иониты «на открытых проповедях пропагандировали среди православных свои лжеучения. Содержание этих учений относится не только к раскрытию положительных сторон своего учения, а главным образом к критике православного учения, даже не в существенной его части (догматика), а в части обрядовой» (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80. Л. 1). В свою очередь церковь была достаточно сдержанна, избегая в публичных заявлениях и официальных документах оскорблений. При описании наблюдаемых сектантских ритуальных практик православные священнослужители стремились

перечислять действия, точный внешний облик и окружение, избегая личностных суждений. Подчеркивание отрицательных сторон деятельности сектантских организаций и личности самих сектантов оставалось прерогативой светских властей, которые нередко злоупотребляли своими полномочиями в отношении людей, подозреваемых в принадлежности к таким организациям (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 682).

На наш взгляд, религиозный экстремизм целесообразно рассматривать как исторический феномен, к наименованию которого наиболее часто использовалось понятие «сектантство» в Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Маркером для выявления признаков религиозного экстремизма является наличие девиантных и/или делинквентных действий с религиозными мотивами. Важно при работе анализировать соответствующую нормативно-правовую базу, отношение светской власти, а также исторический, социально-политический контекст применения такого рода понятий. Так, местные верования, культы предков инородческого населения не подпадали под антисектантское законодательство, воспринимаясь пережитком. Духовные христиане, евангельские христиане и сторонники философско-богословских учений, которые противопоставляли себя Русской православной церкви, выражали антимилитаристские взгляды и обладали международными связями, позиционировались антиправительственными силами и именовались сектантами при подчеркивании негативной составляющей их учений и отрицательных сторон их личностей.

5. Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что активная деятельность большого количества разнообразных религиозных организаций и философско-богословских учений на рубеже XIX–XX веков вызывала обеспокоенность как государства, так и Русской православной церкви и именовалась сектантской. Подчеркивалась ее деструктивная направленность, выражаемая не только в отказе от признания авторитета Русской православной церкви, но и в соответствующей позиции к государству, что в существовавшей системе религиозно-государственных отношений приравнивалось к антиправительственной деятельности. Религиозная ненависть и вражда, в частности в отношении Русской православной церкви, идеи радикального изменения сложившегося социально-политического устройства на религиозной основе, являющиеся основополагающими принципами сектантских учений, согласуются с принципами религиозного экстремизма. Однако в вопросе применения насилия сектантство направляло его преимущественно на себя, а не на своих оппонентов. Это позволяет говорить не столько о тождестве сущности русского религиозного сектантства, сколько о нем как об исторической форме становления религиозного экстремизма.

Литература

- Ахромеева, 2014 – Ахромеева Ю.В. Религиозный экстремизм: сущность и характерные черты // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2014. № 1. С. 86–91.
- Батурич, Батурина, 2015 – Батурич С.П., Батурина Т.В. К вопросу о вероисповедальной политике Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере Сибири) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4–1. С. 7–13.
- Бежанидзе, 2020 – Бежанидзе Г.В. История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств» // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2020. № 1(29). С. 98–111.
- Булгаков, 1913 – Булгаков С.В. Настольная книга для Священно-Церковно-служителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Изд. 3-е, испр. и доп. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. 1772 с.
- Буткевич, 1910 – Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография Губернского правления, 1910. 607 с.
- Вебер, 1990 – Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Данилов, 2018 – Данилов А.В. Религия, экстремизм, насилие // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018. № 3. С. 67–73.
- Дворецкая, 2015 – Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.
- Ефремова, Ковалева, 2020 – Ефремова О.Н., Ковалева Г.П. Религиозный фанатизм как предпосылка экстремизма // *Вестник общественных и гуманитарных наук*. 2020. № 2. Т. 1. С. 37–40.
- Клибанов, 1973 – Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. 256 с.
- Кулиев, 2015 – Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15(54). С. 14–24.

Ламанская, 2003 – Ламанская Н.Б. Из истории государственно-конфессиональных отношений в Енисейском регионе // *Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. Научный сб. молодых исследователей.* 2003. № 4. С. 43-48.

Малашин, 2011 – Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.

Никольский, 1996 – Никольский Н.М. Сектанство и развитие капитализма в России / Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 622-638.

Оленич, 2005 – Оленич Т.С. Проблема классификации русского религиозного сектанства Российской империи // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2005. № 2. С. 15-25.

Отчет..., 1898 – Отчет о состоянии Красноярского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1896–97 учебный год // *Енисейские епархиальные ведомости.* 1898. № 1. С. 1-10.

Попов, 1917 – Попов М. Краткий отчет о деятельности Иннокентьевского Епархиального братства трезвости за 1916 год // *Томские епархиальные ведомости.* 1917. № 10. С. 244-252.

Рождественский, 1909 – Рождественский В. Заметки из миссионерского дневника // *Енисейские епархиальные ведомости.* 1909. № 13. С. 16-20.

Рязанов, 2014 – Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение».* 2014. № 1. С. 177-184.

Слово..., 1898 – Слово Р. Необходимость и возможность поднятия церковно-приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости.* 1898. № 2. С. 34-36.

Смолич, 1996 – Смолич И. К. История Русской церкви. М: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря. Кн. 8. Ч. 1: 1700–1917. 1996. 798 с.

Списки населенных..., 1864 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: По сведениям 1859. СПб.: Изд. центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. [Вып.] 51: Енисейская губерния / Обработ. Р. Мааком. 1864. XLII, 74 с.

Устав о цензуре и печати, 1905 – Устав о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / Сост. И.Н. Лодыженский, И.В. Ратьков-Рожнов. СПб.: Государственная типография, 1905. 68 с.

Пушканова, 2018 – Пушканова Е.А. Жизнь сельского прихода России накануне революции 1917 г. (на примере Енисейской губернии) // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2018. Вып. 82. С. 53-67.

Эткинд, 2013 – Эткинд А.М. Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 642 с.

Юргенсмейер, 2022 – Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошлю пред тобой»: религиозное насилие в глобальном масштабе / Пер. с англ. А. Зыгмонта. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 496 с.

References

Akhromeeva, 2014 – Akhromeeva, Yu.V. (2014). Religiozniy ekstremizm: sushchnost' i kharakternye cherty [Religious extremism: the essence and characteristic features]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 1: 86-91. [in Russian]

Baturin, Baturina, 2015 – Baturin, S.P., Baturina, T.V. (2015). K voprosu o veroispovedal'noi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. (na primere Sibiri) [On the religious policy of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. (on the example of Siberia)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4-1: 7-13. [in Russian]

Bezhanidze, 2020 – Bezhanidze, G.V. (2020). Istoriya poyavleniya i retseptsiya ukaza 1722 g. «Ob ob'yavlenii svyashchennikam otkrytykh im na ispovedi prednamerennykh zlodeistv» [The history of the appearance and reception of the decree of 1722 "On the announcement to priests of deliberate atrocities revealed to them in confession"]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii.* 1(29): 98-111. [in Russian]

Bulgakov, 1913 – Bulgakov, S.V. (1913). Nastol'naya kniga dlya Svyashchenno-Tserkovno-sluzhitelei: (Sbornik svedenii, kasayushchikhsya preimushchestvenno prakticheskoi deyatelnosti otechestvennogo dukhovenstva) [A handbook for Sacred-Church ministers: (A collection of information relating mainly to the practical activities of the domestic clergy)]. Izd. 3-e ispr. i dop. Kiev: Kiev-Pechersk Assumption Lavra, 1772 p. [in Russian]

Butkevich, 1910 – Butkevich, T.I. (1910). Obzor russkikh sekt i ikh tolkov [Review of Russian sects and their interpretations]. Khar'kov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 607 p. [in Russian]

Danilov, 2018 – Danilov, A.V. (2018). Religiya, ekstremizm, nasilie [Religion, extremism, violence]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya.* 3: 67-73. [in Russian]

- Dvoretzkaya, 2015** – *Dvoretzkaya, A.P.* (2015). Religioznaya zhizn' naseleniya Prieniseiskogo regiona v pervoi treti XX v. (1900–1930-e gg.) [Religious life of the population of the Yenisei region in the first third of the XX century (1900–1930)]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 188 p. [in Russian]
- Efremova, Kovaleva, 2020** – *Efremova, O.N., Kovaleva, G.P.* (2020) Religiozni fanatizm kak predposylka ekstremizma [Religious fanaticism as a prerequisite for extremism]. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk.* 2, t. 1, pp. 37-40. [in Russian]
- Etkind, 2013** – *Etkind, A.M.* (2013). Khlyst: sekty, literatura i revolyutsiya [Khlyst: sects, literature and revolution]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 642 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Juergensmeyer M. «Uzhas Moj poshlyu pred tobj»: religioznoe nasilie v global'nom masshtabe [Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence], transl. from English A. Zygmonta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. 496 p. [In Russian]
- Klibanov, 1973** – *Klibanov, A.I.* (1973). Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem [Religious sectarianism in the past and present]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Kuliev, 2015** – *Kuliev, F. M.* (2015). Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. [Legal regulation of activity in the Russian Empire at the end of the XVIII – early XX centuries]. *Izvestiya SOIGSI.* 15(54): 14-24. [in Russian]
- Lamanskaya, 2003** – *Lamanskaya, N.B.* (2003). Iz istorii gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Eniseiskom regione [From the history of state-confessional relations in the Yenisei region]. *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya. Nauchnyi sb. molodykh issledovatelei.* 4: 43-48. [in Russian]
- Malashin, 2011** – *Malashin, G.V.* (2011). Krasnoyarskaya (Eniseiskaya) eparkhiya RPTs: 1861–2011 gg. [Krasnoyarsk (Yenisei) Diocese of the Russian Orthodox Church: 1861-2011]. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir, 480 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1996** – *Nikol'skii, N.M.* (1996). Sektantstvo i razvitie kapitalizma v Rossii [Sectarianism and the development of capitalism in Russia]. *Religiya i obshchestvo Khrestomatiya po sotsiologii religii.* M.: Aspekt Press, pp. 622-638. [in Russian]
- Olenich, 2005** – *Olenich, T.S.* (2005). Problema klassifikatsii russkogo religioznogo sektantstva Rossiiskoi imperii [The problem of classification of Russian religious sectarianism of the Russian Empire]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 2: 15-25. [in Russian]
- Otchet..., 1898** – Otchet o sostoyanii Krasnoyarskogo Eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii za 1896-97 uchebnyi god, 1898 [Report on the state of the Krasnoyarsk Diocesan Women's College in educational and educational terms for the 1896-97 academic year]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti.* 1: 1-10. [in Russian]
- Popov, 1917** – *Popov, M.* (1917). Kratkii otchet o deyatel'nosti Innokent'evskogo Eparkhial'nogo bratstva trezvosti za 1916 god [A brief report on the activities of the Innokentiev Diocesan Brotherhood of Sobriety for 1916]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* 10: 244-252. [in Russian]
- Rozhdestvenskii, 1909** – *Rozhdestvenskii, V.* (1909). Zаметki iz missionerskogo dnevnika [Notes from a missionary diary]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti.* 13: 16-20. [in Russian]
- Ryazanov, 2014** – *Ryazanov, D.S.* (2014). Religiozni ekstremizm, religiozno-politicheskii ekstremizm i religiozni fundamentalizm: obshchee, osobnoe, edinichnoe [Religious extremism, religious-political extremism and religious fundamentalism: general, special, singular] *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie.* 1: 177-184. [in Russian]
- Shushkanova, 2018** – *Shushkanova, E.A.* (2018). Zhizn' sel'skogo prikhoda Rossii na kanune revolyutsii 1917 g. (na primere Eniseiskoi gubernii) [The life of a rural parish in Russia on the eve of the revolution of 1917 (on the example of the Yenisei province)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.* 82: 53-67. [in Russian]
- Slovo, 1898** – *Slovo, R.* (1898). Neobkhodimost' i vozmozhnost' podnyatiya tserkovno-prihodskoi zhizni [The necessity and possibility of raising the parish life]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti.* 2: 34-36. [in Russian]
- Smolich, 1996** – *Smolich, I.K.* (1996). Istoriya Russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. M: Izd-vo Spaso-Preobrazh. Valaam. monastyrya. Kn. 8. Ch. 1: 1700-1917, 798 p. [in Russian]
- Spiski naseleennykh..., 1864** – Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del: Po svedeniyam 1859 [Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs: According to 1859]. SPb. : izd. Tsent. stat. kom. Min. vnutr. del, 1861–1885. [Vyp.] 51: Eniseiskaya guberniya. Obrab. R. Maakom. 1864. XLII, 74p. [in Russian]
- Ustav o tsenzure i pechati, 1905** – Ustav o tsenzure i pechati (Svod zak., t. XIV, izd. 1890 g. i po prod. 1902 g.), s izmeneniyami po 1 iyulya 1905 g. (1905) [The Statute on Censorship and the Press (Code of Laws, vol. XIV, ed. 1890 and 1902)]. Sost. I.N. Lodyzhenskii, I.V. Rat'kov-Rozhnov. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 68 p. [in Russian]
- Veber, 1990** – *Veber, M.* (1990). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]: translated from German/Comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov; Preface by P.P. Gaidenko. M.: Progress, 808 p. [in Russian]

Религиозное сектантство на рубеже XIX–XX веков: историческая форма религиозного экстремизма (на примере Енисейской губернии)

Татьяна Владимировна Излученко ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a
Евгений Александрович Ахтамов ^a, Андрей Александрович Груздев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема религиозного экстремизма постоянно привлекает внимание различных исследователей ввиду того значения, которое религия имеет в поддержании социальной стабильности и легитимации государственной власти. Демаркация религиозных организаций в Российской империи на рубеже XIX–XX веков проводилась преимущественно по их позиции к государству и Русской православной церкви, а также по действиям, способным дестабилизировать социально-политическое положение. Объектом изучения данной статьи является русское религиозное сектантство: место в религиозно-государственной системе, соотношение с традиционными религиями и местными верованиями. Оно рассматривается авторами как историческая форма религиозного экстремизма, содержащая девиантную и делинквентную составляющие. Приводятся правовая и религиоведческая характеристика, авторская классификация религиозных сектантских организаций, действовавших на рубеже веков на территории Енисейской губернии, в соответствии с критериями религиозного экстремизма: межрелигиозная ненависть и вражда, радикальное изменение сложившегося социально-политического устройства на религиозной основе, заявление об исключительности, применение насилия в адрес оппонентов. Разграничивается содержание используемых в документах политических институций Енисейской губернии понятий «сектантство», «раскольничество» применительно к старообрядчеству, международным религиозным движениям, вере предков и философско-богословским движениям. Авторами отмечается, что понятие «сектантство» преимущественно использовалось в отношении религиозных организаций, отделившихся от православного христианства, предлагающих собственную интерпретацию вероучения и выступающих против выполнения государственных повинностей. Ярко выраженное негативное отношение к ним наблюдалось именно со стороны государства, воспринимавшего такую деятельность как посягательство на авторитет власти, при достаточно сдержанной позиции Русской православной церкви.

Ключевые слова: сектантство, русское православие, христианство, религиозный экстремизм, старообрядчество, Енисейская губерния, девиантность, делинквентность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), andygruzdev@yandex.ru (А.А. Груздев)